В. Г. Белинский

Пантеон русского и всех европейских театров. Март. № 3

Виссарион Белинский

Пантеон русского и всех европейских театров. Март № 3

«Public Domain»

1840

Белинский В. Г.

Пантеон русского и всех европейских театров. Март № 3 / В. Г. Белинский — «Public Domain», 1840

«…видно, что в «Пантеоне» есть чего и почитать, есть над чем и подумать, есть чем и позабавиться и развлечься. С нетерпением ожидаем следующей книжки, в надежде, что и в ней будет о чем поговорить нам с читателями. А то, право, ведь и поговорить-то почти не о чем…»

© Белинский В. Г., 1840
© Public Domain, 1840

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 6

Виссарион Григорьевич Белинский Пантеон русского и всех европейских театров. Март. № 3

ПАНТЕОН РУССКОГО И ВСЕХ ЕВРОПЕЙСКИХ ТЕАТРОВ. Март. № 3. Санкт-Петербург. 1840. В 8-ю д. л. В две колонны. 133 стр.

Третья книжка «Пантеона» начинается «Бурею» Шекспира[1], о которой нельзя сказать, что это одно из лучших произведений великого британца, потому что решительно все произведения его – лучшие: каждое лучше другого, и ни одно не хуже другого. «Буря» и «Сон в летнюю ночь» представляют собою совершенно другой мир творчества Шекспира, нежели его прочие драматические произведения, – мир фантастический. Словно какие тени, в прозрачном сумраке ночи, из-за розового занавеса зари, на разноцветных облаках, сотканных из ароматов цветов, носятся перед вами лица «Бури», начиная от безобразного чудовища Калибана до светлого духа Ариеля, – от сурового волшебника Проспера до пленительной Миранды. Словом, «Буря» Шекспира – очаровательная опера, в которой только нет музыки, но фантастическая форма которой производит на вас самое музыкальное впечатление. Однако фантастическое Шекспира совсем не то, что фантастическое немецкое, фантастическое Гофмана: при всей своей волшебной обаятельности, оно не улетучивается в какую-то форму без содержания или в какое-то содержание без формы, а является в резко очерченных, в строго определенных формах и образах. Такое тесное и живое слияние (конкреция) подобных противоположностей, каковы – фантастическая неопределенность содержания и художественная определенность формы, возможно только для великих художников, для тех единственно и исключительно истинных жрецов искусства, которые, по своей глубоко художественной натуре, никогда не выходят из сферы творчества и не допускают в нее чуждого ей элемента – отвлеченного мышления (рефлексии). Недавно, в одном русском журнале, было замечено, что Пушкин не идеален, что его поэзия чужда неопределенной выспренности и крепко держится земли и определенных образов и что вследствие этого Пушкин – поэт не мировой, не великий, хотя и с примечательным талантом[2]

[1] «Буря» публиковалась в «Пантеоне…» в прозаическом переводе М. А. Гамазова со стихотворными вставками, которые были высоко оценены Белинским (см. с. 408). Поэтический перевод «Бури» был выполнен Н. М. Сатиным и вышел в том же 1840 г.

[2] Белинский имеет в виду серию статей С. Б. Раича в журнале «Галатея»; их автор, в частности, утверждал, что Пушкин «не возносился или очень редко возносился к небу» («Галатея», 1839, ч. IV, № 29, с. 192).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.